

УДК 911.3:33

А. А. Анохин¹, Г. М. Фёдоров²**О СООТНОШЕНИИ ПРОЦЕССОВ ПОЛЯРИЗАЦИИ И ВЫРАВНИВАНИЯ
УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ***

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
Российская Федерация 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Проблемы поляризации и выравнивания уровней социально-экономического развития стран и регионов изучаются весьма активно, однако единое мнение по поводу соотношения между этими процессами отсутствует. Проведен анализ статистических данных о плотности населения, доле городского населения (в том числе для городов с числом жителей более 100 тыс. и свыше 1 млн), производстве валового регионального продукта (ВРП) в расчете на душу населения; душевых денежных доходов населения в разрезе субъектов РФ. На основе этого анализа показано, что в 1990-е гг. и самом начале 2000-х гг. социально-экономическая дифференциация субъектов РФ усиливалась, а в последующем различия в душевом производстве ВРП и душевых денежных доходах населения стали сокращаться. Вместе с тем продолжается концентрация населения в городах, особенно в больших. Предлагается активизировать государственную политику выравнивания социальных условий в субъектах РФ и совершенствования производственной инфраструктуры, создавая предпосылки для более полного использования возможностей регионов по привлечению инвестиций и развитию отраслей специализации. Библиогр. 30 назв. Ил. 5. Табл. 4.

Ключевые слова: поляризация, выравнивание, регионы, Россия.

A. A. Anokhin¹, G. M. Fedorov²

**THE CORRELATION OF THE PROCESSES OF POLARIZATION AND
ALIGNMENT OF THE LEVEL OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
IN THE SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATION**

¹ St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Immanuel Kant Baltic Federal University, 236041, 14, A. Nevskogo ul., Kaliningrad.

The problems of polarization and alignment of the levels of social and economic development of countries and regions are studied very actively, but there is no common opinion on the relationship between these processes. Based on the analysis of statistical data (population density, the share of the urban population, including the population of cities with a population of more than 100 thousand and more than 1 million, GRP production per capita, per capita per capita income, per capita cash income of the population) that in the 1990s and the very beginning of the 2000s the socio-economic differentiation of the subjects of the Russian Federation increased, and later the differences in the per capita output of the gross regional product and the per capita income of the population began to decline. At the

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-02-00069\17-ОГОН от: 20/04/2017.

same time, the concentration of the population in cities, especially large ones, continues. It is proposed to intensify the state policy of alignment social conditions in the subjects of the Russian Federation and improving the industrial infrastructure, creating conditions for a more complete use of regional potential to attract investment and the development of specialized industries. Refs 17. Figs 5. Tables 4.
Keywords: polarization, alignment, regions, Russia.

Введение

В изучении соотношения процессов поляризации и выравнивания социально-экономического развития стран и регионов выделяются три основных направления:

- 1) экистическое: изучение социально-экономической поляризации в системе расселения;
- 2) экономическое: анализ концентрации производства товаров и услуг в отдельных странах и районах и дифференциации производства ВРП на душу населения;
- 3) социальное: рассмотрение разрыва между странами, регионами в душевых доходах.

Указанные направления хотя и взаимосвязаны, но имеют собственные траектории развития, а также временную и территориальную специфику. Ниже мы рассмотрим эти направления применительно к условиям современной России, привлекая в ряде случаев статистические данные и за предыдущие периоды развития страны.

1.1. Поляризация в системе расселения

Отчетливо прослеживается поляризация в системе расселения, в которой этот процесс является следствием урбанизации и практически идентифицируется с ним. Помимо углубления противоречий «между столицей страны и провинцией, между региональными центрами и удалёнными от них поселениями в регионах» [Зубаревич, 2001] углубляются противоречия между городскими и сельскими населёнными пунктами, между городами разных размеров.

Статистические данные за 1897–2017 гг. (табл. 1) подтверждают известные количественные характеристики урбанизации:

- более быстрый рост численности городского населения по сравнению с ростом численности сельским (городское население сокращалось только в период связанного с распадом СССР социально-экономического кризиса 1989–2002 гг., причем быстрее сельского);
- более быстрый рост численности населения больших городов по сравнению с ростом численности городского населения в целом (кроме 1979–1989 гг.);
- ещё более быстрый рост численности населения городов-миллионеров в 2000-е гг., тогда как в предшествующий период (за исключением 1926–1939 гг.) темпы ее роста были ниже, причем это касается городского населения в целом по стране.

Если рассматривать населения не только городов, а в целом субъектов РФ, то не наблюдается заметной корреляционной связи между парами показателей «плот-

Таблица 1. Динамика численности населения России в 1897–2017 гг.

Показатель	1926, % к 1897	1939, % к 1926	1959, % к 1939	1970, % к 1959	1979, % к 1970	1989, % к 1979	2002, % к 1989	2010, % к 2002	2017, % к 2010
Всё население	149,5	107,4	108,4	110,7	105,7	107,2	98,5	98,4	101,8
Городское население	166,3	220,6	169,7	131,4	117,2	113,7	97,2	100,4	103,5
Большие города по состоянию на 1 января 2017 г.	187,2	221,4	154,2	134,4	119,9	112,9	101,0	103,9	105,9
Города-миллионеры по состоянию на 1 января 2017 г.	185,5	224,8	140,0	125,5	115,0	108,9	102,6	106,5	106,7

Примечание: составлено на основе сведений из центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики, см. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения 03.06.2017).

ность населения — миграционный прирост», «доля городского населения — миграционный прирост». Общие коэффициенты корреляции для этих показателей в 2016 г. составили соответственно 0,23 и 0,12. То есть можно говорить об отсутствии существенной прямолинейной связи между ними.

Однако комбинированное распределение субъектов РФ по плотности и доле городского населения (табл. 2) позволяет сделать вывод о наличии определённой зависимости миграционного прироста от указанных показателей. Как можно заметить, в правой верхней части табл. 2 (высокий уровень и плотности населения, и доли городского населения) сконцентрированы преимущественно регионы, где миграционный прирост (сальдо) положительный. А в нижней левой части (оба показателя низкие) — регионы с оттоком населения.

Субъекты РФ с высокой долей городского населения (расположенные в правой части таблицы) и высокой плотностью населения имеют положительное сальдо миграции, а с низкой плотностью — отрицательное. Точно так же из слабо урбанизированных регионов с низкой плотностью населения происходит отток населения, а некоторые слабо урбанизированные регионы с высокой плотностью населения характеризуются притоком мигрантов.

Таким образом, можно констатировать, что рассмотренные статистические данные подтверждают дальнейшую поляризацию расселения. Население всё более концентрируется в городах, особенно больших и сверхбольших.

Аналогичные выводы делаются и относительно процессов, происходящих внутри регионов. Например, Л.П. Фукс пишет: «Установлен факт сжатия заселённого пространства. Сплошь заселённые территории уменьшаются по размеру, сдвигаясь вглубь региона к его наиболее заселённым и урбанизированным ядрам» (Фукс, 2007).

Дискуссии о стратегиях развития системы расселения в нашей стране стали активными ещё в 1970-е гг. В них речь идёт, с одной стороны, об урбанистической концепции, согласно которой приоритет отдаётся большим городам и городским

Таблица 2. Распределение субъектов РФ по плотности, доле городского населения и миграционному приросту, 2016 г.

Плотность населения, чел. на 1 км ²	Доля городского населения, %						
	20,0–34,9	35,0–49,9	50,0–64,9	65,0–79,9	80,0–97,9	98,0–100,0	
	Миграционный прирост на 10 000 чел.						
100,0 и более		38 (Ингусетия)				439 (Севастополь), 120 (Московская обл.)	92 (Москва), 49 (Санкт-Петербург)
50,0–99,9	-8 (Чечня)	56 (Адыгея), -45 (Дагестан)	105 (Краснодарский край), 86 (Крым), -61 (Северная Осетия — Алания), -41 (Кабардино-Балкария), -19 (Чувашия)	82 (Калининградская обл.), 38 (Белгородская обл.), 9 (Татарстан)		-6 (Самарская обл.)	
49,9–20,0		-54 (Карачаево-Черкесия)	68 (Ленинградская обл.), 22 (Липецкая обл.), -52 (Тамбовская обл.), -26 (Мурдовия), -15 (Башкортостан) -6 (Ставропольский край)	70 (Курская обл.), 52 (Воронежская обл.), 19 (Тульская обл.), 17 (Калужская обл.), 5 (Нижегородская обл.), 4 (Ростовская обл.), 2 (Саратовская обл.), 0,01 (Рязанская обл.), -49 (Астраханская обл.), -30 (Марий Эл), -22 (Волгоградская обл.), -21 (Орловская обл.), -19 (Удмуртия), -15 (Брянская обл.), -11 (Владимирская обл.), -10 (Пензенская обл.), -9 (Ульяновская обл.)	27 (Ярославская обл.), 10 (Челябинская обл.), 4 (Свердловская обл.), -22 (Ивановская обл.), -7 (Кемеровская обл.)		

10,0–19,9				-64 (Курганская обл.), -33 (Оренбургская обл.), -19 (Алтайский край)	45 (Новосибирская обл.), 7 (Новгородская обл.), -28 (Кировская обл.), -15 (Пермский край), -14 (Тверская обл.), -14 (Приморский край), -10 (Костромская обл.), -9 (Омская обл.), -6 (Смоленская обл.), -1 (Псковская обл.)		
5,0–9,9					124 (Тюменская обл.), 6 (Хакасия), -17 (Вологодская обл.)	-57 (Мурманская обл.), -27 (Сахалинская обл.)	
1,0–4,9	-10 (Алтайский край)	-103 (Калмыкия)	-76 (Тыва), -20 (Бурятия)		10 (Красноярский край), 1 (Томская обл.), -120 (Еврейская АО), -102 (Коми), -72 (Архангельская обл.), -66 (Забайкальский край), -47 (Амурская обл.), -25 (Иркутская обл.), -12 (Карелия)	-11 (Ханты-Мансийский АО), -37 (Хабаровский край)	
Менее 1					23 (Ненецкий АО), -117 (Чукотский АО), -56 (Саха (Якутия)), -14 (Камчатский край)	-223 (Ямало-Ненецкий АО), -118 (Магаданская обл.)	

Примечания. 1. Курсивом выделены регионы с положительным салдо миграции в 2016 г. Составлено на основе сведений из центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики, см.: URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения 03.06.2017).

агломерациям. И с другой стороны, о концепции единой системы расселения, когда населённым пунктам разных размеров и функциональных типов предлагаются собственные направления развития, а также формируется иерархическая система, в которой одна из функций населённых пунктов более высокого уровня иерархии — обслуживание городов и посёлков более низкого уровня (Хорев, 1975). Различия мнений по этому поводу хорошо отражает программная статья сторонников концепции единой системы расселения «О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике» (Агафонов и др., 1982). На наш взгляд, для преодоления недостатков, вызываемых чрезмерной поляризацией, в хорошо освоенных регионах Европейской части страны (за исключением урбанизированных районов и зон, где необходимы различающиеся решения) представляется целесообразным использовать эту концепцию, конечно, с учётом изменившихся условий.

1.2. Поляризация и выравнивание в уровне экономического развития

Концепция поляризации, сформулированная в 1950-е–1960-е гг. в работах Ф. Перру (Perroux, 1955), Ж. Будвиля (Boudeville, 1966), Х. Р. Ласуэна (Lasuén, 1969), Дж. Фридманна (Friedmann, 1967), получила широкое распространение в региональной экономике и составляет важную компоненту многих теоретических построений у зарубежных и отечественных авторов, в том числе участвующих в разработках стратегий регионального развития.

Наряду с концепцией поляризации распространена концепция выравнивания, которая играла большую практическую роль в СССР, где ей придавалось большое политическое значение. Она активно используется в странах ЕС при реализации общей социально-экономической стратегии Евросоюза (Bachtler et al., 2013, 2016; Barca et al., 2012; Camagni et al., 2014; Churski, 2014; Eighth progress report..., 2013; Faludi, 2006; Ferrara et al, 2017; Molle, 2015; Sixth Report on Economic..., 2014). В Российской Федерации при разработке документов стратегического планирования концепция выравнивания конкурирует с концепцией поляризации (см., напр.: Гладкий, 2014; Зубаревич, 2014; Княгинин и др., 2007; Махрова и др., 2016; Нижегородцев, 2003; Пилясов, 2014).

Концепция поляризации была положена в основу при разработке первоначального варианта Концепции Стратегии долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., опубликованного на сайте Минрегионразвития в 2005 г. Первым среди принципов федеральной региональной политики был назван «Принцип поляризованного (или «сфокусированного») развития, которое приходит на смену политике выравнивания уровня регионального развития...» (Концепция Стратегии..., 2005).

Однако в 2008 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., основанная на компромиссе между концепциями поляризации и выравнивания. Этот документ предусматривает «сбалансированное пространственное развитие», т. е. формирование новых территориальных центров роста: «как в районах освоения новых сырьевых ресурсов, так и в традиционных регионах концентрации инновационного, промышленного и аграрного потенциала России снизятся масштабы регионального неравенства» (Концепция долгосрочного..., 2008).

Отметим, что Европейский союз, реализуя активную региональную политику, в качестве одного из важнейших компонентов включает политику выравнивания (Cohesion Policy), которая сосредоточена в основном на поддержке менее развитых европейских стран и регионов, «чтобы помочь им догнать и сократить экономические, социальные и территориальные диспропорции, которые всё ещё существуют в ЕС» (Sixth Report on Economic..., 2014).

В оценке двух различных подходов к соотношению поляризации/выравнивания развития регионов при обосновании стратегии социально-экономического развития России мы согласны с Ю. Н. Гладким, который, сравнив позиции сторонников обоих подходов, отрицает целесообразность поляризации развития регионов и отстаивает необходимость обеспечения их сбалансированного развития (Гладкий, 2014).

Экономическая поляризация субъектов РФ была весьма интенсивной в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. В 2003 г. Р. М. Нижегородцев писал: «последние 10 лет разница между наиболее богатыми и бедными районами в уровнях внутреннего продукта и конечного потребления на душу населения непрерывно увеличивается» (Нижегородцев, 2003).

Чтобы сравнить экономическую поляризацию субъектов РФ и их выравнивание, рассмотрим региональные различия уровня душевого производства ВРП и его динамики (как наиболее часто используемого обобщённого показателя, характеризующего уровень развития региона).

Действительно, в 1990-е гг. дифференциация между регионами возрастала. В 1995 г. в Тюменской обл. (вместе с автономными округами), которая лидировала по уровню производства ВРП на душу населения, последний был в 17,7 раза больше, чем в Ингушетии, в которой ВРП на душу населения был минимальным (Регионы России, 2002). В 2005 г. различия между этими субъектами РФ по данному показателю достигли 38,6 раза (Регионы России, 2016).

Но затем региональные различия производства ВРП на душу населения начали сокращаться (хотя и остались весьма большими) и в 2014 г. уменьшились до 12,8 раза. За 2005–2014 гг. разрыв между максимальным (в Ямало-Ненецком АО) и минимальным (в Ингушетии) душевым производством ВРП сократился с 49 до 26 раз (Регионы России, 2016).

Линейный коэффициент корреляции между уровнем производства ВРП на душу населения в субъектах РФ в 1995 г. и изменением этого показателя за 1995–2000 гг. был положительным и составил 0,29. Для периода 2000–2005 гг. характерно его снижение до 0,02. В последующем коэффициент корреляции меняет положительные значения на отрицательные, отражая тенденцию обратной связи достигнутого уровня душевого производства ВРП 2005 г. и его динамики. Между производством ВРП в расчете на душу населения в 2015 г. и его изменением в 2005–2015 гг. коэффициент корреляции составил $-0,45$ (а в 2005–2010 гг. он достигал даже $-0,65$), т. е. имела место определённая отрицательная зависимость между уровнем развития регионов и динамикой этого развития. Приведенные данные свидетельствуют против вывода, что усиление региональной дифференциации уровня развития регионов было закономерным в течение всего постсоветского этапа экономического развития страны. Наоборот, они свидетельствуют скорее о тенденции сглаживания

Таблица 3. Распределение числа субъектов РФ по уровню производства ВРП на душу населения в 2005 г. и по изменению их позиций относительно среднего по РФ уровня за 2005–2014 гг.

ВРП на душу населения, тыс. руб., 2005	Изменение отношения ВРП на душу населения в регионе к среднему по РФ за 2005–2014 гг., процентных пунктов						
	–350...–51	–50...–21	–20... –1	0...9	10...19	20...49	50...249
350 и более	1						1
150–349	1	1			1		2
100–149		2	2	2	3	1	
75–99			8	3	5	1	
50–74			1	12	7	2	
35–49				7	8	2	
34 и менее				3	6		

Примечания. 1. Административно-территориальное деление РФ по состоянию на 1 января 2014 г., Архангельская область с Ненецким АО.

2. Составлено на основе данных (Регионы России..., 2002; Регионы России..., 2016).

этих различий в 2005–2010 гг. (при некотором возрастании, связанном с проявлениями кризисных явлений в экономике в 2010–2014 гг.).

Следует также учитывать, что в действительности между распределением показателей душевого уровня ВРП и динамикой последнего в разрезе регионов имеется зависимость, отличающаяся от линейной. Так, в табл. 3 демонстрируется зависимость, близкая к параболической: одни регионы с более высоким душевым ВРП имеют наихудшие показатели, а другие — наилучшие. При этом 16 анализируемых субъектов ухудшили показатели по отношению к среднероссийскому уровню, а 66 — улучшили.

Таким образом, находят подтверждение экономические теории региональных диспропорций и стадий развития регионов. Динамику различий между российскими регионами вполне отражает известная кривая Уильямсона (Williamson, 1965): на начальных стадиях регионального развития дифференциация регионов усиливается, но по мере роста экономики региональные экономические диспропорции уменьшаются. Это, как можно судить из анализа статистических данных, и происходит в РФ начиная примерно с 2005 г.

В дополнение к приведенным выше доводам о качественных изменениях зависимости динамики душевого ВРП от его исходного уровня приведем следующие иллюстративные материалы. На рис. 1–4 показаны изменения в характере связи между душевым ВРП и его динамикой в разрезе 82 субъектов РФ (по которым имеются официальные данные Росстата¹). На горизонтальной шкале отложены показатели душевого ВРП регионов по отношению к среднему по РФ уровню в расчете на начало рассматриваемого периода. На вертикальной — изменения этого показателя за 5 лет.

¹ Расчёты сделаны на сведений из центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики, см.: URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения 03.06.2017).

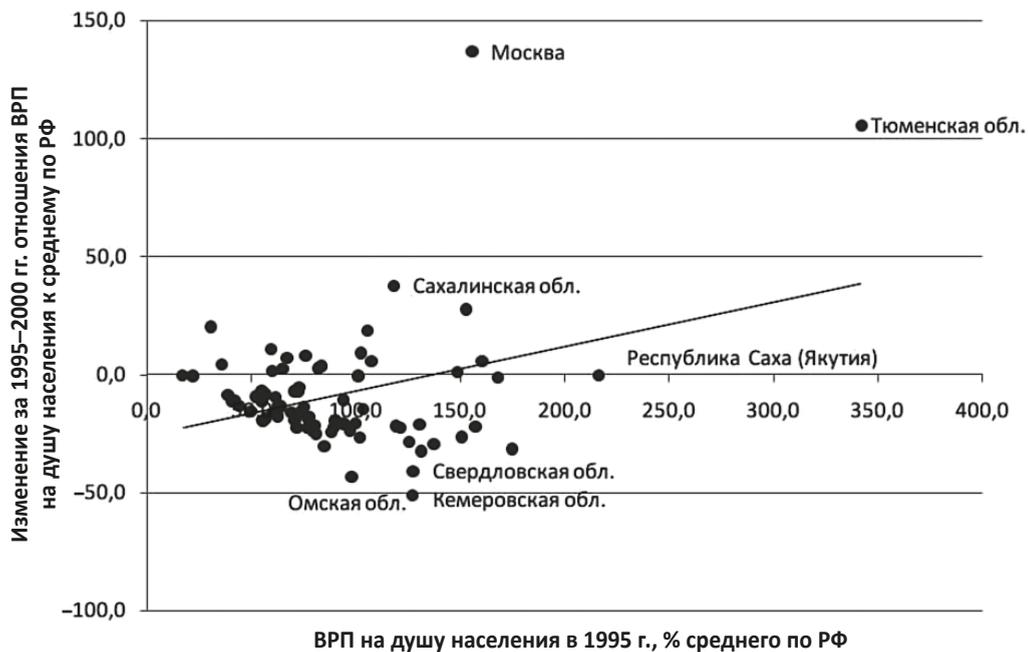

Рис. 1. Изменение за 1995–2000 гг. отношения ВРП на душу населения к среднему по РФ в 1995 г.

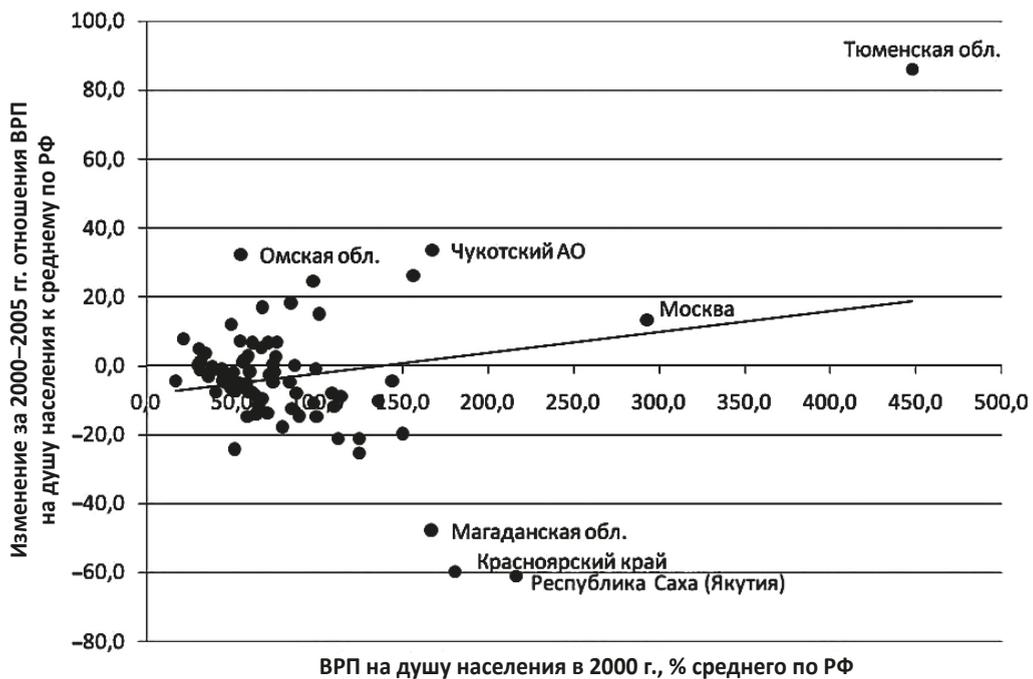

Рис. 2. Изменение за 2000–2005 гг. отношения ВРП на душу населения к среднему по РФ в 2000 г.

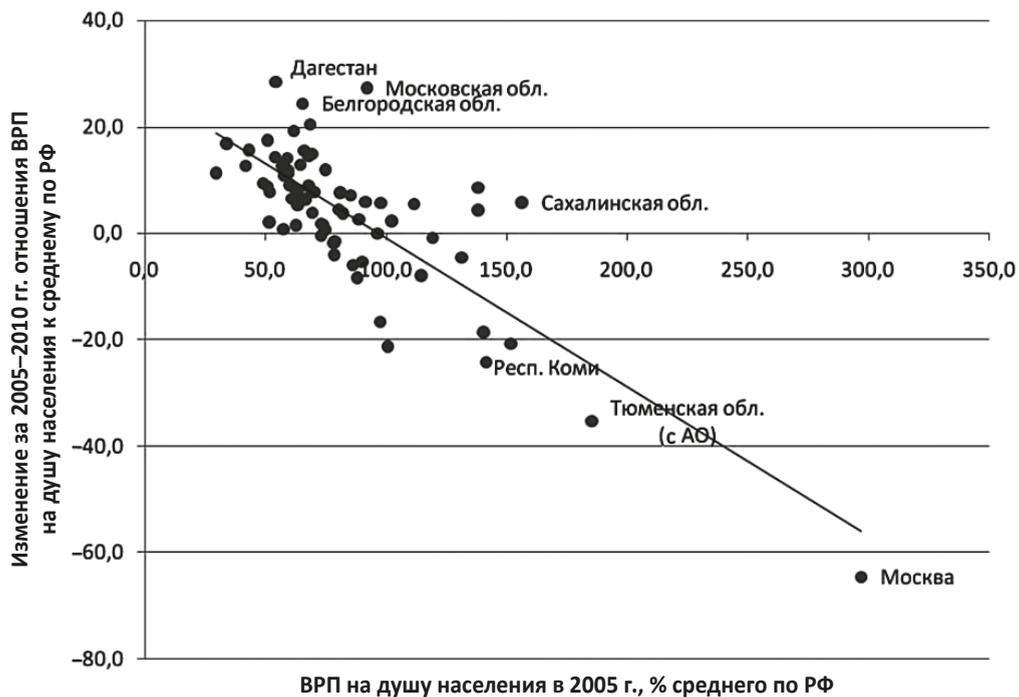

Рис. 3. Изменение за 2005–2010 гг. отношения ВРП на душу населения к среднему по РФ в 2005 г.

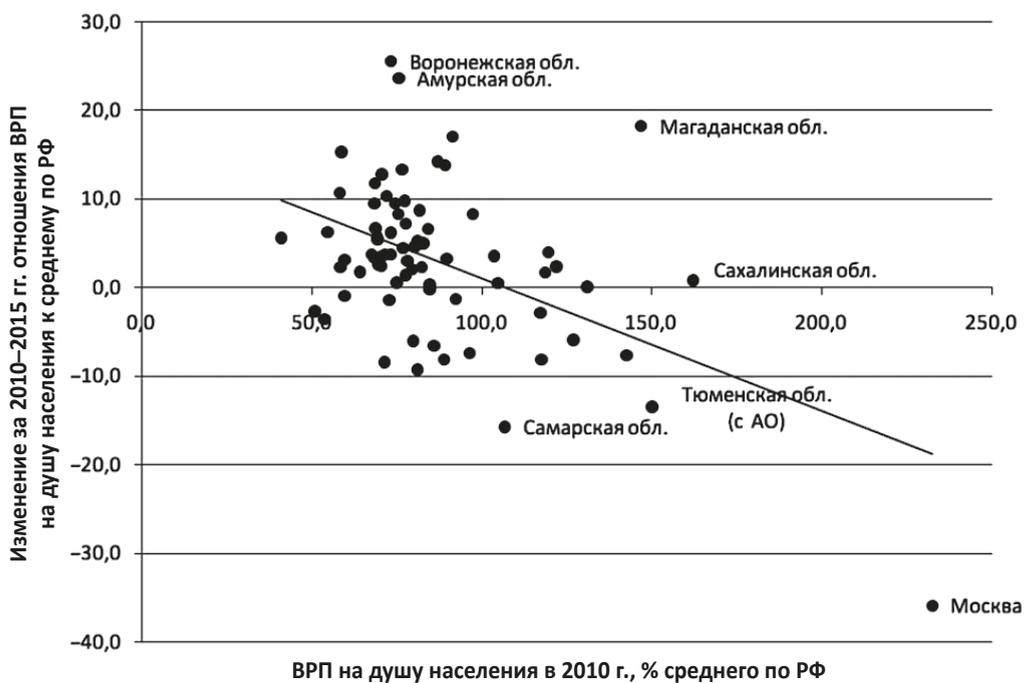

Рис. 4. Изменение за 2010–2015 гг. отношения ВРП на душу населения к среднему по РФ в 2010 г.

Как можно заметить, графики на рис. 1 и 2 качественно отличаются от графиков на рис. 3 и 4, что показывают линии тренда:

- в первом случае (для 1995–2005 гг.) прослеживается прямая зависимость увеличения душевого ВРП в регионах от достигнутого уровня,
- во втором случае (для 2005–2010 гг.) налицо обратная зависимость.

1.3. Дифференциация субъектов РФ по уровню доходов населения

Региональные социальные диспропорции смягчаются меньшей дифференциацией оплаты труда, низший уровень которой регулируется законодательно, а также выплатами населению пособий и стипендий из средств федерального бюджета и дотациями, поступающими в регионы в виде межбюджетных трансфертов. Так, среднедушевые денежные доходы в 2015 году в разрезе субъектов различались в 4,6 раза, тогда как душевой ВРП — в 53,7 раза (Регионы России, 2016).

В 1990 г. душевые доходы населения были самыми высокими в Магаданской обл., самыми низкими — в Дагестане, и различались они в 3,5 раза. К 2000 г. различия по данному показателю между этими регионами составили 3,3 раза, но самая большая разница в душевых доходах оказалась между Москвой и Ингушетией — 19,1 раза. Различия в уровне доходов стали снижаться раньше, чем начали выравниваться уровни производства душевого ВРП. В 2005 г. различия в уровне доходов между Москвой и Ингушетией составили 8,8 раза, а к 2015 г. они сократились до 4,1 раза. Но к этому времени самые высокие душевые доходы оказались в Ненецком АО, а самые низкие — в Калмыкии. Различаются они в 5 раз, но этот показатель всё равно намного ниже, чем между регионами с полярным уровнем доходов в 2005 г. (Москвой и Калмыкией), различавшимся в 10 раз.

Расчеты показывают, что в 1990-е гг. рост душевых денежных доходов (как и динамика производства ВРП в расчете на душу населения) показывал небольшую положительную связь с их уровнем, которая в 2000-е гг. сменилась отрицательной. Коэффициент линейной корреляции между уровнем душевых доходов и их динамикой составлял²:

Период, гг.....	1990–1998	1998–2005	1995–2010	2010–2015	2016
Коэффициент корреляции	0,33	-0,31	-0,67	-0,40	-0,67

На рис. 5 приведено распределение субъектов РФ по уровню среднедушевых денежных доходов в 2005 г. и их изменению за 2005–2016 гг.³ По расположению точек на графике можно заметить тенденцию обратной взаимосвязи этих показателей. Связь между размерами душевых доходов в регионах и их динамикой наиболее адекватно отображается полиномиальной линией тренда, сходной с параболической зависимостью, показанной в табл. 3.

² Рассчитано на основе сведений из центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики, см.: URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения 03.06.2017).

³ В разрезе субъектов РФ, по которым имеются опубликованные данные Росстата за весь период наблюдения (2005–2016 гг.). Составлено на основе сведений из центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики, см.: URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения 03.06.2017).

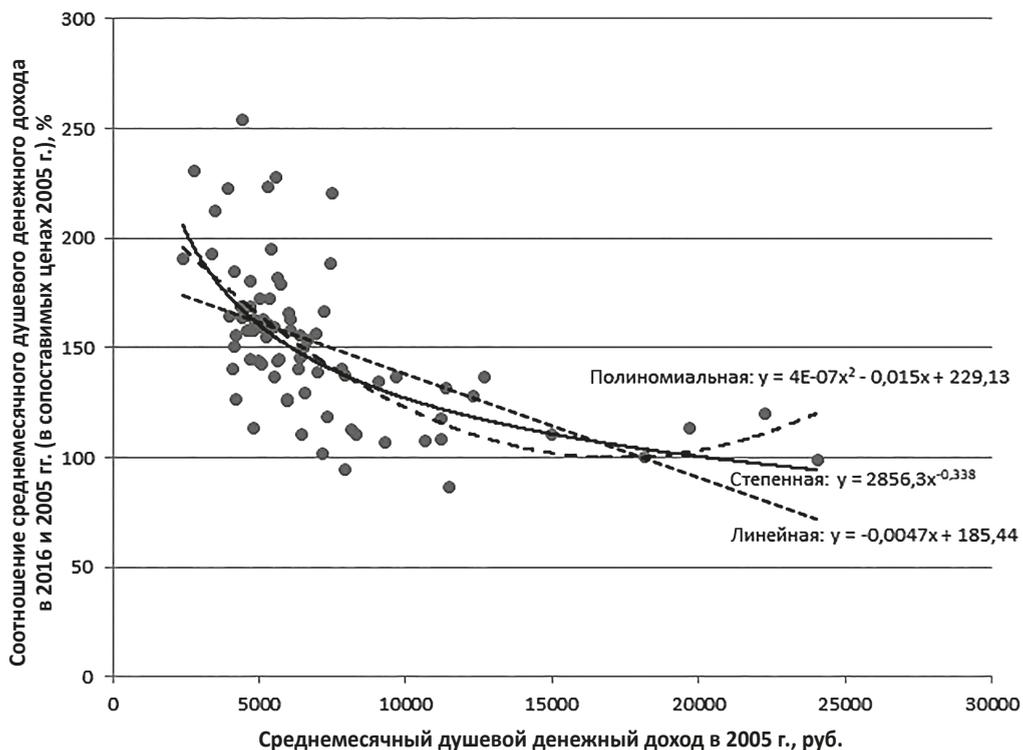

Рис. 5. Распределение субъектов РФ по уровню среднедушевых денежных доходов в 2005 г. и их изменению за 2005–2016 гг. (показаны линейная, степенная и полиномиальная линии тренда)

Обратная зависимость динамики доходов с их достигнутым уровнем прослеживается и в приведенном в табл. 4 распределении субъектов РФ. Они располагаются преимущественно вдоль диагонали, идущей от левого верхнего угла таблицы к правому нижнему углу. Самые высокие темпы роста душевых доходов населения имели Ивановская область и республики Адыгея, Дагестан и Ингушетия, входившие в 2005 г. в группу субъектов РФ с наиболее низкими доходами. А самые низкие темпы роста душевых доходов отмечены в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах и в Москве, где население получало в 2005 г. наиболее высокие доходы.

Различия регионов по уровню среднедушевых денежных доходов меньше, чем по уровню душевого производства ВРП. Это связано с меньшими (по сравнению с варьированием душевого ВРП) различиями уровня оплаты труда и социальных выплат в разных регионах, а также с последствиями политики поддержки отстающих регионов со стороны федерального центра.

Заключение

Таким образом, анализ статистических данных показывает продолжение поляризации в системе расселения. Но углубление социально-экономической дифференциации российских регионов, характерное для 1990-х и самого начала 2000-х гг.,

Таблица 4. Распределение субъектов РФ по уровню денежных доходов населения за 2005 г. и их динамике в 2005–2016 гг. (в сопоставимых ценах)

Среднемесячный душевой доход за 2016 г., % к 2005 г.	Среднемесячный душевой денежный доход за 2005 г., руб.		
	2000–4999	5000–9999	10 000–14 999
200–259	Ивановская обл., Адыгея, Дагестан, Ингушетия	Белгородская и Московская области, Краснодарский край	10 000–14 999
150–199	Брянская, Владимирская, Костромская, Орловская, Рязанская, Тульская, Пензенская, Ульяновская, Амурская области, Алтайский край, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, Алтайский край	Воронежская, Калужская, Курская, Липецкая, Тамбовская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Нижегородская, Оренбургская, Новосибирская области, Ставропольский и Приморский края, Башкортостан, Татарстан, Бурятия, Хакасия	15 000–24 999
100–149	Псковская, Кировская, Курганская области, Карачаево-Черкесия, Тыва	Смоленская, Тверская, Ярославская, Архангельская (с Ненецким АО), Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Челябинская, Иркутская, Омская, Томская области, Пермский, Забайкальский, Красноярский, Хабаровский края, Карелия, Еврейская АО	Санкт-Петербург, Мурманская, Магаданская, Сахалинская, Тюменская (с автономными округами) области, Камчатский край, Республика Саха (Якутия)
85–99		Кемеровская обл.	Республика Коми Москва

Примечание. Составлено на основе сведений из центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики, см.: URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения 03.06.2017).

в 2005–2015 гг. сменилось выравниванием. Можно предположить, что этому способствуют меры, осуществляемые на федеральном уровне, в том числе в русле сформулированных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. направлений государственной региональной политики. Стратегия выравнивания, способствующая не только уменьшению территориальных социальных различий, но и комплексному развитию всех российских регионов, должна быть важным компонентом общей стратегии социально-экономического развития страны.

Литература

- Агафонов, Н. Т., Лавров, С. Б., Хорев, Б. С., 1982. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике. Известия ВГО 6, 533–539.
- Гладкий, Ю. Н., 2014. К вопросу об оптимизации межрегиональных диспропорций в России: опасный разброс мнений. Вестник АРГО 3, 41–50.
- Зубаревич, Н. В., 2001. Поляризация городов России как следствие кризиса 90-х гг. Вестник Евразии 1, 5–29.
- Зубаревич, Н. В., 2014. Региональное развитие и региональная политика в России. ЭКО 4, 7–27.
- Княгинин, В., Перельгин, Ю., 2007. Пространственное развитие России в долгосрочной перспективе. Российское экспертное обозрение 1–2, 6.
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. 2008. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 25.05.2017).
- Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. 2005. URL: www.pacificinfo.ru/eco/dele/data/concept.doc (дата обращения: 01.07.2017).
- Махрова, А. Г., Нефедова, Т. Г., Трейвиш, А. И., 2016. Поляризация пространства Центрально-Российского мегаполиса и мобильность населения. Вестник Московского университета 5, 77–85.
- Нижегородцев, Р. М., 2003. Поляризация экономического пространства России и как ей противодействовать. Проблемы теории и практики управления 1 (03), 89–95.
- Пилясов, А. Н., 2014. Размещение производительных сил в условиях инновационной экономики. Современные производительные силы 1, 22–37.
- Регионы России, 2002 / Социально-экономические показатели. Росстат, Москва. 863.
- Регионы России, 2016 / Социально-экономические показатели. Росстат, Москва. 1326.
- Фукс, Л. П., 2007. Региональное расселение как система: самоорганизация и принципы управления: исследовательская модель расселения на юге Западной Сибири. Дисс. ... д-ра геогр. наук, 358–359. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/regionalnoe-rasselenie-kak-sistema-samoorganizatsiya-i-printsipy-upravleniya-issledovatel'skaja-ixzz4lDcefNVu> (дата обращения: 28.06.2017).
- Хорев, Б. С., 1975. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). Мысль, Москва.
- Bachtler, J., Begg, I., Charles, D., Polverari, L., 2016. EU Cohesion Policy in Practice: What Does it Achieve? Rowman & Littlefield International, London.
- Bachtler, J., Mendez, C., Wishlade, F., 2013. EU Cohesion Policy and European Integration: The Dynamics of EU Budget and Regional Policy Reform. Ashgate, Aldershot.
- Barca, F., McCann, P., Rodriguez-Pose, A., 2012. An Agenda for a Reformed Cohesion Policy. A place-based approach to meeting European Union challenges and expectations. Independent Report. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/regi/dv/barca_report_/barca_report_en.pdf (accessed: 01.07.2017).
- Boudeville, J., 1966. Problems of Regional Economic Planning. Edinburgh University Press, Edinburgh.
- Camagni, R., Capello, R., 2014. Rationale and design of EU cohesion policies in a period of crisis. Regional Science Policy and Practice. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12047>.
- Churski, P., 2014. The social and economic growth vs. the emergence of economic growth and stagnation areas. Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań.
- Eighth progress report on economic, social and territorial cohesion, 2013. Report from the Commission to the European Parliament and the Council. The regional and local dimension of the crisis. {SWD (2013) 232 final}, COM 463 final, 26.06, Brussels.

- Faludi, A., 2006. From European Spatial Development to Territorial Cohesion Policy. *Regional Studies* 40 (6), 667–678.
- Ferrara, A. R., McCann, P., Pellegrini, G., Stelder, D., Terribile, F., 2017. Assessing the impacts of Cohesion Policy on EU regions: a non-parametric analysis on interventions promoting research and innovation and transport accessibility. *Papers in Regional Science*. <https://doi.org/10.1111/pirs.12234>.
- Friedmann, J., 1967. A general theory of polarized development. Ford Foundation, Urban and Regional Development Advisory Program in Chile, Santiago, 1967.
- Lasuén, J. R., 1969. On growth poles. *Urban Studies* 6 (2), 137–161.
- Molle, W., 2015. *Cohesion and Growth*. Routledge, London; New York.
- Perroux, F., 1955. Note sur la notion de “pôle de croissance”. *Économique Appliquée* 7, 307–320.
- Sixth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion, Investment for jobs and growth: Promoting development and good governance in EU regions and cities. 2014. In: *Regional and Urban Policy*. Brussels: European Commission.
- Williamson, J. G., 1965. Regional inequality and the process of national development: a description of the patters. *Economic and Cultural Change* 13, 1–84.

Для цитирования: Анохин А. А., Фёдоров Г. М. О соотношении процессов поляризации и выравнивания уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // *Вестник СПбГУ. Науки о Земле*. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 327–342. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.401>

References

- Agafonov, N. T., Lavrov, S. B., Khorev, B. S., 1982. O nekotorykh oshibochnykh kontseptsiiakh v urbanistike [About some erroneous concepts in urbanistics]. *Izvestiia VGO [News of VGO]* 6, 533–539. (In Russian)
- Bachtler, J., Begg, I., Charles D., Polverari, L., 2016. *EU Cohesion Policy in Practice: What Does it Achieve?* Rowman & Littlefield International, London.
- Bachtler, J., Mendez, C., Wishlade, F., 2013. *EU Cohesion Policy and European Integration: The Dynamics of EU Budget and Regional Policy Reform*. Ashgate, Aldershot.
- Barca, F., McCann, P., Rodriguez-Pose, A., 2012. *An Agenda for a Reformed Cohesion Policy. A place-based approach to meeting European Union challenges and expectations*. Independent Report. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/regi/dv/barca_report_/barca_report_en.pdf (accessed: 01.07.2017).
- Boudeville, J., 1966. *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh University Press, Edinburgh.
- Camagni, R., Capello, R., 2014. Rationale and design of EU cohesion policies in a period of crisis. *Regional Science Policy and Practice*. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12047>.
- Churski, P., 2014. The social and economic growth vs. the emergence of economic growth and stagnation areas. *Bogucki Wydawnictwo Naukowe, Poznań*.
- Eighth progress report on economic, social and territorial cohesion, 2013. Report from the Commission to the European Parliament and the Council. The regional and local dimension of the crisis. {SWD (2013) 232 final}, COM 463 final, 26.06, Brussels.
- Faludi, A., 2006. From European Spatial Development to Territorial Cohesion Policy. *Regional Studies* 40 (6), 667–678.
- Ferrara, A. R., McCann, P., Pellegrini, G., Stelder, D., Terribile, F., 2017. Assessing the impacts of Cohesion Policy on EU regions: a non-parametric analysis on interventions promoting research and innovation and transport accessibility. *Papers in Regional Science*. <https://doi.org/10.1111/pirs.12234>.
- Friedmann, J., 1967. A general theory of polarized development. Ford Foundation, Urban and Regional Development Advisory Program in Chile, Santiago, 1967.
- Fuks, L. P., 2007. Regional'noye rasseleniye kak sistema: samoorganizatsiya i printsipy upravleniya: issledovatel'skaya model' rasseleniya na yuge Zapadnoy Sibiri [Regional resettlement as a system: self-organization and management principles: a research model of settlement in the south of Western Siberia]. *Diss. ... d-ra geogr. nauk [Diss. of PhD]*, 358–359. Nauchnaya biblioteka dissertatsiy i avtoreferatov [Scientific library of dissertations and abstracts disserCat]. URL: <http://www.dissercat.com/content/regionalnoe-rasselenie-kak-sistema-samoorganizatsiya-i-printsipy-upravleniya-issledovatel'skaixzz4lDcefnVu> (accessed: June 28, 2017). (In Russian)
- Gladky, Yu. N., 2014. K voprosu ob optimizatsii mezhterritorial'nykh disproportsiy v Rossii: opasnyy razbros mneniy [On the issue of optimizing interregional imbalances in Russia: a dangerous range of opinions]. *Vestnik ARGO [Newsletter ARGO]* 3, 41–50. (In Russian)

- Khorev, B. S., 1975. Problemy gorodov (urbanizatsiia i edinaia sistema rasseleniia v SSSR) [Problems of cities (urbanization and a unified system of settlement in the USSR)]. Mysl, Moscow. (In Russian)
- Knyagin, V., Perelygin, Yu., 2007. Prostranstvennoe razvitie Rossii v perspektive [Spatial development of Russia in the long term]. Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie [Russian Expert Review] 1–2, 6. (In Russian)
- Lasuén, J. R., 1969. On growth poles. Urban Studies 6 (2), 137–161.
- Kontseptsiiia dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda [Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020], 2008. Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (accessed: 25/05.2017).
- Kontseptsiiia Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regionov Rossiiskoi Federatsii [Concept of the Strategy of Social and Economic Development of Regions of the Russian Federation], 2005. URL: www.pacificinfo.ru/eco/dele/data/concept.doc (accessed: 01.07.2017). (In Russian)
- Molle, W., 2015. Cohesion and Growth. Routledge, London; New York.
- Makhrova, A. G., Nefedova, T. G., Treyvish, A. I., 2016. Poliarizatsiia prostranstva Tsentral'no-Rossiiskogo megapolisa i mobil'nost' naseleniia [Polarization of the space of the Central Russian megalopolis and mobility of the population]. Vestnik Moskovskogo un-ta [Herald of Moscow University]. 5, 77–85. (In Russian)
- Nizhegorodtsev, R. M., 2003. Poliarizatsiia ekonomicheskogo prostranstva Rossii i kak ei protivodeistvovat' [Polarization of the economic space of Russia and how to counteract it]. Problemy teorii i praktiki upravleniia [Problems of theory and practice of management] 1 (03), 89–95. (In Russian)
- Perroux, F., 1955. Note sur la notion de "pôle de croissance". Économique Appliquée 7, 307–320.
- Pilyasov, A. N., 2014. Razmeshcheniie proizvoditel'nykh sil v usloviakh innovatsionnoi ekonomiki [Placement of productive forces in the conditions of innovative economy]. Sovremennye proizvoditel'nye sily [Modern productive forces] 1, 22–37. (In Russian)
- Regiony Rossii [Regions of Russia], 2002. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Socio-economic indicators]. Rosstat Publishing House, Moscow. 863. (In Russian)
- Regiony Rossii [Regions of Russia], 2016. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Socio-economic indicators]. Rosstat Publishing House, Moscow. 1326 (In Russian)
- Sixth Report on Economic, Social and Territorial Cohesion, Investment for jobs and growth: Promoting development and good governance in EU regions and cities, 2014. Regional and Urban Policy. Brussels: European Commission.
- Williamson, J. G., 1965. Regional inequality and the process of national development: a description of the patters. Economic and Cultural Change 13, 1–84.
- Zubarevich, N. V., 2001. Poliarizatsiia gorodov Rossii kak sledstvie krizisa 90-kh gg. [Polarization of Russian cities as a consequence of the crisis of the 90s]. Vestnik Yevrazii [Herald of Eurasia] 1, 5–29. (In Russian)
- Zubarevich, N. V., 2014. Regional'noe razvitie i regional'naia politika v Rossii [Regional development and regional policy in Russia]. EKO [ECO] 4, 7–27. (In Russian)

For citation: Anokhin A. A., Fedorov G. M. The correlation of the processes of polarization and alignment of the level of social and economic development in the subjects of Russian Federation. Vestnik SPbSU. Earth Sciences, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 327–342. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.401>

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2017
Статья рекомендована в печать 13 декабря 2017

Контактная информация:

Анохин Анатолий Александрович — доктор географических наук, профессор; a.anokhin@spbu.ru
Фёдоров Геннадий Михайлович — доктор географических наук, профессор; gfedorov@kantiana.ru

Anatoly A. Anokhin — Doctor of Geography, Professor; a.anokhin@spbu.ru
Gennady M. Feodorov — Doctor of Geography, Professor; gfedorov@kantiana.ru